

— Ой. Прости, — она убрала ногу и послушно повернулась на другой бок.

Итак, предыдущая сцена повторилась снова.

Увидев, как кто-то балансирует на краю кровати, почти падая, Вэньжэнь Цин сжала губы и снова подтянула ее, накрыв одеялом.

Но в следующий момент на ней снова оказалась рука и нога.

В сумме, на ней лежала легкая гора.

В темноте она закрыла глаза.

Маленькая обманщица.

В день расставания Эр Ни горько заплакала. Ей было очень жаль расставаться с этими двумя красивыми сестрами.

Цзи Сюнь пообещала ей, что следующим летом обязательно вернется сюда. Только тогда Эр Ни перестала плакать.

Вэньжэнь Цин стояла рядом, оглядываясь вокруг.

Следующий год.

Это меньше чем триста шестьдесят пять дней.

Хотя эта ночь прошла не очень хорошо, и вечером было немного непривычно, но перед отъездом она почувствовала, что в воздухе витает скрытая ностальгия.

Эти каникулы действительно были прекрасны.

Маленькая обманщица ее не обманула.

Мяу.

Сяо Мэйли, увидев, как маленькая хозяйка вернулась, резко изменила свое поведение и с необычайной теплотой начала крутиться у ног Цзи Сюнь.

Когда она села в гостиной на диван, Сяо Мэйли даже прыгнула ей на колени, закрыла глаза и стала просить, чтобы хозяйка погладила ее по голове.

Цзи Сюнь гладила ее и спросила у матушки Ван:

— Мои родители еще не вернулись?

Матушка Ван, протирая пол, улынулась:

— Еще нет. Мисс, как прошли эти дни?

Цзи Сюнь кивнула:

— Весело!

Стоило ей закрыть глаза, как перед ней возникал маленький дворик, скрытый снегом.

Маленький желтый щенок, такой милый, начинал лаять, когда его дразнили, а Эр Ни радостно загадывала желанья у снеговика.

Цинцин...

В памяти черты лица Цинцин в тот момент казались мягкими.

Матушка Ван рассказала о днях, когда Цзи Сюнь не было дома:

— Мисс, раз уж вы вернулись, поговорите с этой кошкой. Она теперь смотрит на меня с ненавистью. Потому что я каждый день ловлю ее и брызгаю лекарством. Посмотрите.

Как только матушка Ван закончила говорить, Сяо Мэйли, похоже, поняла, что речь идет о ней, резко повернула голову и посмотрела на матушку Ван, затем на Цзи Сюнь и жалобно мяукнула.

Она вела себя так гордо, как будто жаловалась хозяйке на свои страдания.

— И еще смотришь на меня! Неблагодарная! Я же для тебя стараюсь. Если бы я не ловила тебя каждый день и не брызгала лекарством, у тебя бы рот сгнил, — матушка Ван продолжала мыть пол.

Сяо Мэйли, рассердившись, встала на диване, выгнула спину и взъерошила шерсть:

— Аууууу!

Как будто угрожала: «Скажи еще раз, попробуй только!»

— Ха-ха-ха...

В доме раздался смех. Цзи Сюнь погладила взъерошенную шерсть Сяо Мэйли и тихо успокоила ее:

— Сяо Мэйли, матушка Ван заботится о тебе. Не сердись на нее.

Она погладила кошку под подбородком, затем по спине, и Сяо Мэйли, огромное оранжевое тело, улеглось на диване, позволяя Цзи Сюнь гладить себя как угодно.

Матушка Ван, наблюдая за этим, кивнула и улыбнулась, затем незаметно достала из кармана флакон с лекарством и медленно подошла к дивану.

Огромный рыжий кот, который только что наслаждался лаской, вдруг почувствовал неладное и с криком «Вау!» попытался убежать.

Цзи Сюнь даже не успела среагировать.

Но Сяо Мэйли была быстрой, а матушка Ван еще быстрее. Она с молниеносной скоростью схватила кошку и прижала к дивану.

— Аууу! — Сяо Мэйли с мольбой посмотрела на хозяйку.

Цзи Сюнь с улыбкой покачала головой:

— Нет, нужно лечиться.

В доме раздались крики и вопли, Сяо Мэйли с широко раскрытыми глазами орала на матушку Ван.

Доудоу, наблюдая за этим в сознании Цзи Сюнь, с сочувствием покачал головой.

Вдруг оно поняло, что быть системой не так уж и плохо. Они не стареют, не умирают, и, если у них достаточно энергии, могут подниматься на новые уровни.

А люди...

Доудоу вспомнило впечатления, оставленные людьми в его памяти, и с сожалением подумало, что они действительно слишком хрупкие.

В доме Вэньжэнь Цин, напротив, царил непривычная тишина.

Как только она вошла, то почувствовала, что атмосфера в доме отличается от обычной.

Сяо Цуй взяла ее чемодан и тихо сказала:

— Мисс, пока вас не было, в доме произошли некоторые события.

Вэньжэнь Цин посмотрела на нее, ее взгляд был спокоен, но она дала понять, что та может продолжать.

Сяо Цуй оглянулась:

— Старый господин привез сюда молодого господина Тина.

Она говорила это осторожно, словно боялась, что ее кто-то услышит.

Обычно Сяо Цуй не вела себя так, словно что-то скрывает.

Вэньжэнь Цин слегка приподняла бровь:

— Вэньжэнь Тин?

Она не использовала слово «дядя», в конечном итоге она была холодна к родственным связям.

Ни дедушка, ни мать, эти двое единственных родственников, не дали ей тепла. Поэтому, когда речь заходила о других, для нее это было просто разницей в именах.

Таким образом, родственные связи были как игра на сцене, нужно было говорить вежливо и корректно. А остальное — молчание.

— Да, это он, — Сяо Цуй держала ручку чемодана и тихо добавила. — В эти дни госпожа была не в духе. А молодой господин Тин...

Она посмотрела на выражение лица Вэньжэнь Цин, и, увидев, что та выглядит равнодушной, решила не продолжать.

Даже слуги должны соблюдать конфиденциальность. Многие вещи, касающиеся хозяев, не подходят для обсуждения.

Сяо Цуй хорошо это понимала и сменила тему:

— Вода уже набрана, мисс, вы можете принять ванну.

Бледное лицо Вэньжэнь Цин слегка покраснело при слове «ванна».

Она вспомнила тот день в ванной комнате, когда она, думая, что с Цзи Сюнь что-то случилось, бросилась туда и вытащила ее.

Раньше она никогда не думала, что способна на такие глупости. Как маленькая дурочка, потерявшая голову.

А Цзи Сюнь...

Она вспомнила, как маленькая девочка, с закрытыми глазами, вытащенная из воды, беспомощно махала руками. Уголки ее губ непроизвольно дрогнули.

Такая слабая, как котенок, она вызывала улыбку.

Но эта улыбка исчезла так же быстро, как и появилась.

Она посмотрела на чемодан в руках матушки Ван и тихо сказала:

— Я сама.

Этот дом был все таким же пустым, как чудовище, стоящее в кромешной тьме, поглощающее всех, кто в него входил.

Эти дни казались ей теперь лишь сном.

Она снова была Вэньжэнь Цин.

В этом большом доме, и рядом с ней не было Цзи Сюнь.

Поднимаясь на второй этаж, она вдруг услышала:

— Ха!

Из-за угла внезапно выпрыгнул маленький мальчик, с водяным пистолетом в руках, и начал стрелять во все стороны.

Сяо Цуй, похоже, ожидала этого, и, поднимаясь по лестнице, встала перед Вэньжэнь Цин.

Ее лицо, волосы и одежда оказались мокрыми от воды.

Она вытерла лицо, в глазах мелькнул страх, но улыбка не исчезла, и она посмотрела на мальчика, который продолжал прыгать и кричать:

— Молодой господин Тин, пора отдыхать. Прыгать на лестнице слишком опасно.

Хорошо, что первой шла не Вэньжэнь Цин.

Этот молодой господин Тин был слишком активным.

Он был настолько энергичен, что везде устраивал беспорядки, Сяо Цуй никогда не видела такого трудного ребенка.

По сравнению с молодым господином Тинем, Вэньжэнь Цин в детстве, которая спокойно читала, училась и играла на пианино, была настоящим ангелом.

До того, как молодой господин Тин появился, Сяо Цуй лишь вздыхала, что характер госпожи слишком переменчив, и она слишком вспыльчива.

Но, увидев этого молодого господина Тина, Сяо Цуй вдруг поняла, что госпожа была милой и доброй.

По крайней мере, после того, как она успокаивалась, она давала ей дополнительные деньги и повышала зарплату, и с ней можно было нормально общаться.

За эти годы Сяо Цуй, благодаря дополнительным деньгам, которые госпожа давала ей после вспышек гнева, скопила несколько десятков тысяч.

Она перевезла свою младшую сестру в городскую школу и наняла повариху для своих пожилых бабушки и дедушки, которые уже с трудом передвигались.

<http://bllate.org/book/16860/1552965>